

КУЛЬТОВО-ПОМИНАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ УРАЛО-КАЗАХСТАНСКИХ КОЧЕВНИКОВ ГУННСКОГО И РАННЕТЮРКСКОГО ПЕРИОДА

Многие степные этно-политические объединения, несмотря на свой синкретический характер, в период наибольшей активности, как правило, существовали в рамках единой идеологии. Доминирующее влияние в создании таковой играло основное этно-политическое ядро, вокруг которого впоследствии складывалась конфедерация, так как его составлял, как правило, господствующий клан. Своеобразным кодом этой идеологии являлась погребальная, культовая и поминальная обрядность. Таким образом, зафиксированные в археологическом материале элементы данных видов социальной деятельности, в основных своих составляющих содержат своеобразный код - историко-культурный комплекс (ИКК), характеризующий ту или иную культуру или культурно-историческую эпоху. В предложенной работе речь пойдет о культово-поминальных традициях кочевников гуннского и раннетюркского круга. Предварительно оговоримся, что гуннскую эпоху для территорий урало-казахстанских степей, по нашему глубокому убеждению, составляют памятники, отнесенные нами раньше к особой гунно-сарматской культуре [Боталов, Любчанский, 1992; Боталов, 1993; Боталов, 1994; Боталов, 1995; Боталов, Полушкин, 1996; Боталов, Гуцалов, 2000].

Памятники, составляющие ее, неожиданно появляются в урало-казахстанских степях во второй пол. II в. н.э. и также неожиданно исчезают к концу IV в. н.э., оставив лишь свои постгуннские реминисценции глубоко в лесостепной зоне Поволжья и Приуралья (турбаслинские памятники) и Зауралья (гунно-угорские памятники типа Байрамгулово, Малково). Раннетюркские памятники представлены комплексами, отнесенными нами к т.н. селенташскому типу [Боталов, 1996а; Боталов, 1996б, с.370; Боталов, 1996в, с.201-203; Боталов, 1998]. Ранние памятники этого типа VI (возможно конца V в.) - VIII вв. включают средневековые комплексы курганов с "усами", поздние VIII-X вв. включают комплексы, своеобразно продолжающие основные традиции ранних памятников, однако, они отличаются большей простотой и бедностью устройства, в них отсутствуют каменные гряды ("усы").

Я достаточно хорошо осознаю, что данные интерпретации не всегда принимаются многими моими коллегами. В определенной мере мне понятен тот скепсис, который вызывают новые интерпретации устоявшихся представлений о подобных памятниках. Так, многие сарматологи

предпочитают гунно-сарматов урало-казахстанских степей объединять с поздними сарматами Нижнего Поволжья и Волго-Донья, а к гуннским, по общему представлению, относятся те крайне немногочисленные и столь же разрозненные комплексы IV-VI вв. из восточно-европейских и казахстанских степей типа Шипово, Покровка, Ново-Григорьевка, Воскресенка, Каннатас, Боровое, Кара-Агач и др.

Вообще с гуннами сегодня складывается до анекдотизма парадоксальная ситуация.

Если признать общеисторическую преемственность монгольских северных хуннов (сюннов) и европейских гуннов, а этот факт пока никто не оспаривал в исторической литературе, то после их окончательного исхода в середине II в.н.э. из пределов Восточного Туркестана (поражение северных хуннов и чеши в восстании против Китая и разгром хуннов сяньбийцами [Грумм-Гржимайло, 1929, с.139; Бичурин, 1950, с.169]), они в буквальном смысле бесследно исчезают в среднеазиатских степях как минимум на два столетия. Попытки их поиска по сей день не привели к какому-либо определенному результату. Как известно, попытка Н.Я. Бернштама и И. Кожомбердиева связать со среднеазиатскими гуннами катакомбные комплексы кенкольского типа не имела успеха [Бернштам, 1951; Кожомбердиев, 1961, Сорокин, 1956], хотя и сегодня она имеет своих сторонников [Хабдулина, 1999].

Анализ историко-культурных типов кочевого и полукочевого населения Средней Азии и юга Казахстана, проделанный мной с привлечением того огромного материала из комплексов II в. до н.э. - V в.н.э. и на основе ранее существующего опыта региональной типологии [Заднепровский, 1975; Он же, 1992; Горбунова, 1984; Она же, 1991; Литвинский, 1967; Берлизов, Каминский, 1993], убеждает в том, что отдельные территориальные группы памятников соотносятся, по всей видимости, с конкретными этно-культурными образованиями. Так, ранние памятники льяндакского типа (II-I вв. до н.э.), занимающие степи севера Средней Азии (Каршинская степь, Чардаринская степь, Хорезм) составляют восточно-сарматский ИКК (подбойные, катакомбные, торцовые) погребения с южной ориентировкой, сарматский набор вещевого инвентаря (мечи с прямым навершием и кольцевым навершием, зеркала с широким валиком по краю, курильницы, керамика). Подобные комплексы на рубеже III-II вв. до н.э. появляются как новая (восточно-сарматская волна) в пределах Урало-Поволжских и Северо-Казахстанских степей [Скрипкин, 1997, с.12].

Чильпекский тип составляют многочисленные памятники сакоусуньского ИКК, занимающие территории северо-запада Таласской долины и Семиречья с III в. до н.э. по IV-V вв.н.э. Они появляются как

результат новой миграционной волны восточно-сакского и впоследствии усуньского населения из пределов Восточного Туркестана на рубеже IV-III вв. до н.э. (параллели: могильник Исык и Алагоу) [Литвинский, 1988, с.182-186]. Этот массив достаточно точно маркируют небольшие каменные (кольцевые) курганы, простые и подбойные захоронения с западной ориентировкой, а также специфическими типами вещевого инвентаря (каплевидные подвески, серьги с бусинами подвесками, двусоставные накладки, особый тип керамической посуды [Акишев, Кушаев, 1963]. Они продолжают существовать в пределах страны Усунь вплоть до IV-V вв.н.э. И наконец к третьему раннему типу относятся комплексы тулхарского типа, которые образуют юэчжийский ИКК. Это небольшие каменные насыпи с подбойными погребениями, северная ориентировка покойников, вещевой комплекс восточного происхождения (накладки "ордоского типа", сосуды-триподы, типы вооружения). Они четко картаграфируются вначале в пределах Самаркандского и Бухарского оазисов, затем на правобережье Окса (Аму-Дарьи), где они по существующему мнению своеобразно картаграфируют территорию страны "Большие Юэчжи" [Абдулаев, 1994, с.67; Бернар, Абдулаев, 1977, с.68; Боровкова, 1989, с.121, карта 4].

Памятники первого века представлены огромным массивом погребений с дромосными катакомбами кенкольского типа. Которые характеризуют два наиболее крупных ареала культур (каунчинско-джунский и кугайско-карабулакский) [Горбунова, 1991]. С одной стороны, возникновение их связано с новой миграционной волной из Восточного Туркестана (параллели с погребальными традициями могильников Астана и Караходжа [Лубо-Лесниченко, 1984], с другой - возможно проследить некоторую преемственность и переходные формы, связывающие данные погребения с более ранними катакомбами (Жаман-Тогай, к-ны 9,14; Мештерхазинский могильники) восточно-сарматского ИКК. Это подтверждается и в сохранении традиции простых захоронений с южной ориентировкой (Карабулакский могильник), и наконец, с третьей стороны по совершенно справедливому наблюдению Л.Г. Нечаевой, Н.И. Берлизова, В.Н. Каминского, прослеживается яркая генетическая преемственность комплексов этого типа с аланскими катакомбами Причерчья и Дагестана на Северном Кавказе [Нечаева, 1962; Берлизов, Каминский, 1993]. В Средней Азии эти комплексы хорошо картаграфируют страну Кангюй и Давань.

Особую локальную группу памятников образуют комплексы джетыассарского типа. В создании ее, вероятнее всего, участвовало сарматское и аланское население страны Янцзяй и Кангюй. По мнению Л.М. Левиной, с I в. до н.э. джетыассарцы были подвержены сильному гунн-

кому влиянию [Левина, 1996, с.374], которое наиболее усилилось с первых веков н.э. Действительно, как показывает археологический материал, в подавляющем своем большинстве датирующийся I-IV вв. н.э, джетыассарский комплекс составляет два культурных типа. Это отразилось в погребальном обряде (многообразные сырцовые склепы с неустойчивой ориентировкой, с одной стороны, и грунтовые курганы с простыми и подбойными ямами и северной ориентировкой покойников) и в керамическом комплексе (наличие керамики с горновым и напольным обжигом). Т.е. джетыассарскую культуру, по всей видимости, оставили представители оседлого земледельческого и полукочевого (или кочевого) скотоводческого населения.

Насколько позволяют сегодня судить имеющиеся данные, существует устойчивый историко-культурный комплекс монгольских хуннов и южно-сибирских хунно-сарматов. Основные его черты: округлые каменные насыпи, узкие прямоугольные ямы, гроб, северная ориентировка - для рядовых погребений и сооружение сложных многокамерных прямоугольных с дромосом (на юг) склепов, наличие глубоких ям, на дне которых внутри сруба помещается гроб с покойником, уложенным головой на север, - для аристократических усыпальниц. Наличие торцовых ниш, уступов, жертвенников в виде голов животных [Боталов, 1999, с.155].

Насколько позволяют судить приведенные данные, наиболее близкие хуннскому комплексу черты имеют тулхарский и джетыассарский (кочевнический) типы памятников. Однако памятники типа Тулхарского, Бабашовского, Кокумского и др. могильников Северной Бактрии локализуются в конкретной историко-культурной нише. Они, как уже было упомянуто, соотносятся с юэчжами, разгромившими Бактрию во II-I вв. до н.э., а впоследствии имеют свое логическое продолжение в кушанских памятниках типа Теля-Тепе. Схожесть юэчжийского погребального обряда с общехуннским ИКК, безусловно, связана с длительным сосуществованием юэчжей с хуннами Ордоса (Приняньшань, Ганьсуйский коридор) и, конечно же, с едиными истоками их культурогенеза.

Существенные черты схожести содержатся в кочевнических комплексах джетыассарской культуры. Однако еще более ярко эти черты усиливаются в гунно-сарматских памятниках. С одной стороны прослеживаются явные черты схожести их с джетыассарскими курганами в погребальном обряде и вещевом инвентаре, с другой стороны в уралоказахстанских комплексах наблюдается большая вариабельность погребального сооружений (грунтовые склепы, длинные курганы, гантелевидные, каменные; гробы, двухкамерные сооружения) и особые (маркирующие) типы вещевого инвентаря (пояса-портупей с прямоу-

На площадках с южной стороны были найдены уголки, «стельные» гольными и восьмерковидными накладками, мечи с халцедоновыми навершиями, китайский импорт и др.).

Таким образом, если джетыассарские и гунно-сарматские памятники рассматривать в комплексе, то именно в них более чем, где-либо в пределах Средней Азии и Казахстана наблюдаются явные черты сходства с хуннским ИКК.

И еще один аспект. Можно долго спорить о расселении «уннов» Дионисия Перегieta и месторасположении птоломеевых гуннов, однако, не приходится сомневаться в том, что к середине II в.н.э. гунны действительно появляются на пороге Европы. А в начале III в.н.э., по сообщениям Агафангела, они активно участвуют в военной политике на Кавказе [Гмыря, 1995, с.47]. Следовательно, два с лишним столетия на европейских рубежах проживало достаточно многочисленное гуннское население, которое в 371 г. было способно сокрушить грозных и могучих аланов и готов. В этой связи, сегодня совершенно не стыкуются общепринятые представления, сообразно которым к гуннским памятникам урало-казахстанских степей относятся единые комплексы и разрозненные вещевые находки.

Весьма неоднозначно решаются вопросы идентификации ранних тюрков. Специалисты по культурам сакского круга не могут выпустить из своих объятий чрезвычайно своеобразные и оригинальные для евразийских степей комплексы курганов «с усами». Хотя сегодня фактически трудно привести примеры стопроцентного соответствия этих памятников к древнесакской эпохе. Напротив, сегодня уже известны десятки этих памятников разных типов без двойной стратиграфии, и четко датирующихся ранним средневековым. Специалисты-тюрковеды в большинстве своем вообще отказывают в прописке ранним тюркам (эпоха I и II Тюркских каганатов) в пределах евразийских степей к западу от Иртыша. Хотя на примере южносибирских древностей четко прослеживаются два раннетюркских ареала: Саяно-Алтайский (захоронения с конем, каменные курганы и оградки, ориентировка на восток, частое отсутствие керамической посуды), и Хакасско-Минусинский (прямоугольные и многоугольные ограды, трупосожжения с установкой больших вазообразных сосудов). Обе эти традиции достаточно ярко прослеживаются в тюркокультурных комплексах далеко на западе в Волго-Уралье и Южно-Русских степях (см. Боталов, 1996а, с.197-206; Боталов, 1999, с.157-158).

Завершая столь обширную преамбулу, замечу, что, на мой взгляд, множество неясностей и путаницы в обозначенных проблемах вытекает прежде всего из того, что четко не проведено разграничивающей черты между этими двумя глобальными историко-культурными эпохами, т.к.

этом рубеже незримо падает на "смутное время" V-VI вв. До сего дня мы не имеем четкого представления об основных системообразующих чертах хунно-гуннского и тюркского историко-культурных типов. В этой связи, в данной работе мною предпринимается попытка представить черты, определяющие основные культовые и жертвенно-поминальные традиции гуннского и тюркского населения урало-казахстанских степей.

Среди исследованных на сегодня 312 гунно-сарматских погребальных комплексов II-V вв. н.э. выявлено довольно большое число жертвенно-поминальных либо погребально-поминальных объектов. 16 из них имеют форму наземного грунтового склепа. Эти сооружения либо подпрямоугольной (с длинной стенкой до 40 м и высотой до 1 м), либо округлой (диаметром до 30 м, высотой до 1 м) формы. По всей видимости, они сооружались из дерновых блоков, хотя в двух случаях (Магнитный, к-н 3; Сарытау, сооружение 12) среди строительного материала присутствует сырец, а в курганах 1 и 4 могильника Новоникольское стенки возводились из прокаленных глиняных блоков. Вокруг земляных стен проходил неглубокий ров, образовавшийся в результате выемки грунта. Характерной особенностью является наличие прохода с южной стороны. Данный тип сооружений полифункционального назначения, среди них одни являются святилищами (Восточно-Курайлинский I, сооружение 7; Сарытау, сооружение 12; Лебедевка V, к-н 1; Лебедевка VI, к-н 12; Большекараганский, к-ны 6, 16, 17). В других (Целинный I, сооружение 13; Магнитный, к-н 3; Друженский, сооружения; Новоникольское, к-ны 1,4; Большекараганский, к-н 8; IV Комсомольский, к-н 8) совершались погребения. Могильные ямы, как правило, сооружались в ЮЗ секторе склепа, а его центральная часть использовалась для отправления жертвенно-поминальных ритуалов. На этот факт указывают находки костей (как правило, овцы), уголков и фрагментов керамики. Интересен в этой связи комплекс из кургана 3 могильника Магнитный*. На внутренней площадке склепа на уровне погребенной почвы был обнаружен круглый обломок курильницы-алтарика (рис. 2,5), погребение было совершено в глубокой могильной яме, над которой, вероятно сооружался свод сырцового склепа, диаметр которого достигал 6 м. О том, что гроб с покойницей располагался в открытом склепе, указывают также наблюдения Л.Л. Гайдученко, которые были сделаны в процессе исследования остатков пищи из бронзового котла, обнаруженного в погребении**. Здесь найдено большое количество хитиновых оболочек наземных насекомых. Концентрация этих остатков очень высока, что наводит на мысль о том, что они копились здесь длительный период, пока склеп не обнаружился.

На площадках святилищ также были найдены угольки, отдельные кости и вещевой материал, как правило, культового характера. Так, в святилище Сарытау (сооружение 12), обнаружены три колокольчика (рис.1, 7-9). В кургане-святилище Большекараганского могильника (к-н 17) найдены также специфические предметы культового назначения, обломки жертвенника, бутылочки, керамического котла, курильницы, сероглиняного кувшина [Боталов, 1993, рис.4, 1,2, 9-13].

Особый тип гунно-сарматских жертвенно-поминальных комплексов представляют собой длинные и гантелевидные курганы, которых сегодня исследовано в общей сложности 8 объектов. Хотя данных типов сооружений, как впрочем и склепообразных, известно довольно большое количество. Специфическая их форма позволяет довольно точно их картографировать при визуальной съемке или аэродешифровке. В отдельных могильниках подобных сооружений насчитывается более 50% (рис. 2, 1). Длинные и гантелевидные курганы имеют длину от 20-40 м до 100-150 м, высоту 0,5-1 м. Как и склепообразные сооружения, они полифункционального назначения. В курганах-святилищах на погребенной поверхности располагаются кости животных, уголь, фрагменты керамики, вещи (Лебедевка V, к-н 52). В двух случаях под насыпью одного из составляющих курганов или у края длинного кургана совершалось погребение (Лебедевка VI, к-н 1; III Бекешевский, к-н 4; Большекараганский, к-н 7) [Мошкова, 1989, таб.73, 13; Пшеничнюк, 1983, с.69]. Таким образом, гантелевидные и длинные курганы представляют собой одну из оригинальных разновидностей жертвенно-поминальных и погребальных сооружений гунно-сарматов.

Весьма важным аспектом гуннских кульново-поминальных традиций являются жертвоприношения. Анализ видового состава из погребальных и поминальных комплексов (встречены в 49 комплексах) костей животных показывает, что основным абсолютно преобладающим жертвенным животным является овца (34 случая), на втором месте стоят кости лошади (9 случаев) и крупного рогатого скота (8 случаев). Жертвенники чаще всего располагались в насыпи или же внутри погребения. Они состояли из отдельных костей конечностей, лопаток, ребер, т.е. скорее всего данные жертвоприношения состояли из кусков мяса.

Несколько более цельный облик имеют жертвенно-поминальные традиции раннетюркского населения, которые просматриваются на примере селенташских памятников. Первый тип составляют курганы с "усами". В пределах урало-казахстанских степей по картографическим данным И.Э. Любчанского и А.З. Бейсенова насчитывается до 400 объектов [Любчанский, 1998, с.310; Бейсенов, 1997, с.18-19]. По существующим в

литературе данным сегодня можно насчитать 39 исследованных кургана.

Второй тип представляют до десятка исследованных селенташских комплексов в Урало-Казахстанском регионе. Описание данных объектов мною проводилось в недавних работах [Боталов, 1996а, Боталов, 1998], поэтому считаю нецелесообразным останавливаться на нем здесь подробно. Отмечу основные принципиальные составляющие. Жертвенно-поминальный (или погребальный) ритуал производился, как правило, на уровне древней поверхности под каменной округлой насыпью или внутри каменного подпрямоугольной оградой, имеющей ориентировку СЗ-ЮВ. Культовая площадка, как правило, имеет следы сильного воздействия огня (прокалы, уголь, вещевой материал обожжен, кальцинированные кости). Обязательным в насыпи является установка (как правило, в углублении) керамической посуды. Наблюдается закономерность — сосуды устанавливались в восточном или юго-восточном секторе.

Основным жертвенным животным является лошадь. При этом культ лошади подразумевает помещение внутри ритуальной площадки либо целой туши лошади*, либо ее макетов (шкура, набитая камнем) (рис. 3, II; 4, I, II), либо небольших деревянных моделей лошадей, обтянутых золотой фольгой [Любчанский, Таиров, 1999, рис. 5, 9, 10, 11].

Обязательным являются также жертвенники из отдельных частей овцы, которые, как правило, располагались поблизости с керамикой.

Приведенный перечень характерных черт весьма сближает рассматриваемые комплексы с курганами-кострищами из Нижнего Поволжья и Южнорусской степи, таких как Покровск (к-н 2, 3, 11, 17, 18), Ровное (к-ны 42, 47), Высокое, Новогригорьевка (могилы VII, VIII, IX), Вознесенка и др [Засецкая, 1994, с.196, с.162-166; Гринченко, 1950]. Как известно, в пределах этого ареала исследованы и известные курганы с “усами”: Три Брата и Новогригорьевка, к-н 18 [Синицын, 1948, с.158-159; Семенов, 1988, с.98, рис.1]. Эти параллели мною уже приводились в предшествующих работах. Подобно селенташским комплексам, они имеют свое логическое развитие в раннеболгарских и раннехазарских памятниках VII-IX вв. [Боталов, 1996, с.204-205].

По моему мнению, селенташские памятники также полифункционального назначения, хотя точно установить трупосожжение удалось лишь в одном случае (Ботакара, к-н 1). Во многих курганах были найдены кальцинированные кости в мельчайших фрагментах, что не позволяет дать их точнее антропологическое и остеологическое определение. Требуется весьма сложный и дорогостоящий молекулярный анализ. Думается, что в недалеком будущем нам удастся дать более определенный ответ.

В заключении хотелось бы напомнить читателю об известном описании погребального обряда древних тюрок, которое приводится в хронике Чжоу-шу. При различиях перевода основные его элементы удивительно схожи: жертвоприношение целого коня и овец, наличие центрального кургана (храма), совершение в нем на поверхности кремации или помещение ее, совершение на восток от него гряд из камней (соответствующих числу убитых врагов или детей), оформление окончания гряд [Бичурин, 1950, с.230; Грумм-Гржимайло, 1926, с.213-215].

Таким образом, проведенный обзор позволяет говорить, с одной стороны об определенной культурной цельности, с другой о существенной разнице жертвенно-поминальных традиций двух рассматриваемых эпох. Гунно-сарматское время характеризуют грунтовые склепы, имеющие южный проход, длинные и гантелевидные курганы, под которыми на древней поверхности помещаются уголь, обломки керамики и отдельные предметы, а также совершаются погребения, жертвоприношения представлены в подавляющем большинстве костями овцы. Тюркское время характеризуют каменные насыпи, подпрямоугольные ограды с грядами ("усами") или без таковых. В центре площадок располагались кострища, скелеты или макеты лошадей, кальцинированные кости, ближе к западному краю сосуды и части овцы.

ЛИТЕРАТУРА

- Акишев К.А., Кушаев Г.А. 1968. Саки и усунь долины реки Илек. *Алма-Ата*.
Абдулаев К.К. 1994. К локализации столицы юэчжей // *Города Центральной Азии на Великом Шелковом пути*. Самарканд.
Бейсенов А.З. 1997. Погребальные памятники и культово-ритуальные сооружения древних nomадов Центрального Казахстана (7-1 вв. до н.э.). Автореф. дисс. канд. ист. наук. *Алма-Ата*.
Берлизов Н.Е., Каминский В.Н. 1993. Аланы, Кангюй, Давань // *Петербургский археологический вестник*. № 3.
Бернар П., Абдулаев К. 1997. Номады на границе Бактрии // *РА*. № 1.
Бернштам А.Н. 1951. *Очерки истории гуннов*, Л.
Бичурин Н.Я. 1950. *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*. М. Т. 1.
Боровкова Л.А. 1989. *Запад Центральной Азии во II в. до н.э. - VII в. н.э.* М.
Боталов С.Г., Любчанский И.Э. 1992. О локализации гуннов во II-IV вв. н.э. // *Проблемы краеведения северных регионов Казахстана. Тезисы докладов*. Кустанай.
Боталов С.Г. 1993. *Большекараганский могильник II-III вв. н.э.* // *Кочевники Урало-Казахстанских степей*. Екатеринбург.
Боталов С.Г. 1994. *Эпоха средневековья Урало-Ишимского междуречья II-XIV вв.* // Автореф. дисс. на соискание уч. степени к.и.н. Уфа.

- Боталов С.Г. 1996. Гунно-сарматские памятники Урало-Ишимского междуречья // Вопросы археологии Западного Казахстана. Самара.
- Боталов С.Г., Полушкин Н.А. 1996. Гунно-сарматские памятники Южного Зауралья III-V веков // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск.
- Боталов С.Г. 1996а. Памятники селенташского типа в Южном Зауралье // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск.
- Боталов С.Г. 1996б. Тюркские кочевники Урало-Иртышья // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. Самара.
- Боталов С.Г. 1996 в. Волго-Уральские и Казахстанские степи в V-VIII вв. (Некоторые вопросы тюркизации Евразийских степей) // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск.
- Боталов С.Г. 1998. Раннетюркские памятники урало-казахстанских степей // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. лет. н.э. Самара.
- Боталов С.Г. 1999. Хуннский культурогенез в аспекте трансформации хозяйственного уклада // Комплексные общества Центральной Евразии III-I тыс. лет. до н.э. Челябинск.
- Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. 2000. Гунно-сарматы урало-казахстанских степей. Челябинск (в печати).
- Горбунова Н.Г. О подбойно-катакомбных погребениях ранних кочевников Средней Азии (конец I тыс. до н.э. - первая половина I тыс. лет. н.э.) // СА. № 3.
- Гмыря Л.Б. 1995. Страна гуннов у каспийских ворот. Махачкала.
- Гринченко В.А. 1950. Памятка VIII ст. Колос Вознесенский на Запоріжжі // Археологія. Київ. Т. III.
- Грумм-Гржимайло Г.Е. 1926. Западная Монголия и Урянхайский край. Л. Т.2.
- Засецкая И.П. 1994. Культура кочевников Южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.). Спб.
- Кожомбердиев И. 1961. Новые данные о Кенкольском могильнике // КСИ-ИМК, вып.80.
- Левина Л.М. 1996. Этнокультурная история Восточного Приаралья. М.
- Литвинский Б.А. 1988. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М.
- Лубо-Лесниченко Е.И. 1984. Могильник Астана // Восточный Туркестан и Средняя Азия. М.
- Любчанский И.Э. 1988. Хронологические аспекты комплексов курганов с "усами" Евразийской степи // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. Самара.
- Любчанский И.Э., Таиров А.Д. 1999. Археологические исследования комплекса курган с "усами" Солончанка I // Курган с "усами" Солончанка I. Челябинск.
- Мошкова М.Г. 1989. Позднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.
- Нечаева Л.Г. 1962. Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе. // Исследования по археологии СССР. Л.
- Пшеничнюк А.Х. 1983. Культура ранних кочевников Южного Урала. М.

Семенов А.И. 1988. К выявлению центрально-азиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы // Археологический сборник. Л. № 29.

Скрипкин А.С. 1997. Этюды по истории и культуре сарматов. Саратов.

Сорокин С.С. 1956. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятники местной культуры // СА. № 26.

Спицын И.В. 1948. Памятники позднесарматской эпохи в степях Нижнего Поволжья // СА. X.

Хабдулина М.К. 1999. Хуннские могильники на пути миграции на запад // Комплексные общества Центральной Евразии III-I тыс. лет. до н.э. Челябинск.

* Раскопки С.Ю. Гуцалова. Выражаю глубокую признательность моему коллеге и другу за проведенные исследования и предоставленный интереснейший материал.

** выражаю признательность Л.Л. Гайдученко за предоставленные результаты исследования.

* Наземный характер сооружений в подавляющем большинстве не позволил фиксировать целых скелетов лошадей, однако в большинстве исследований в этих комплексах были найдены сочленены части скелетов лошадей.

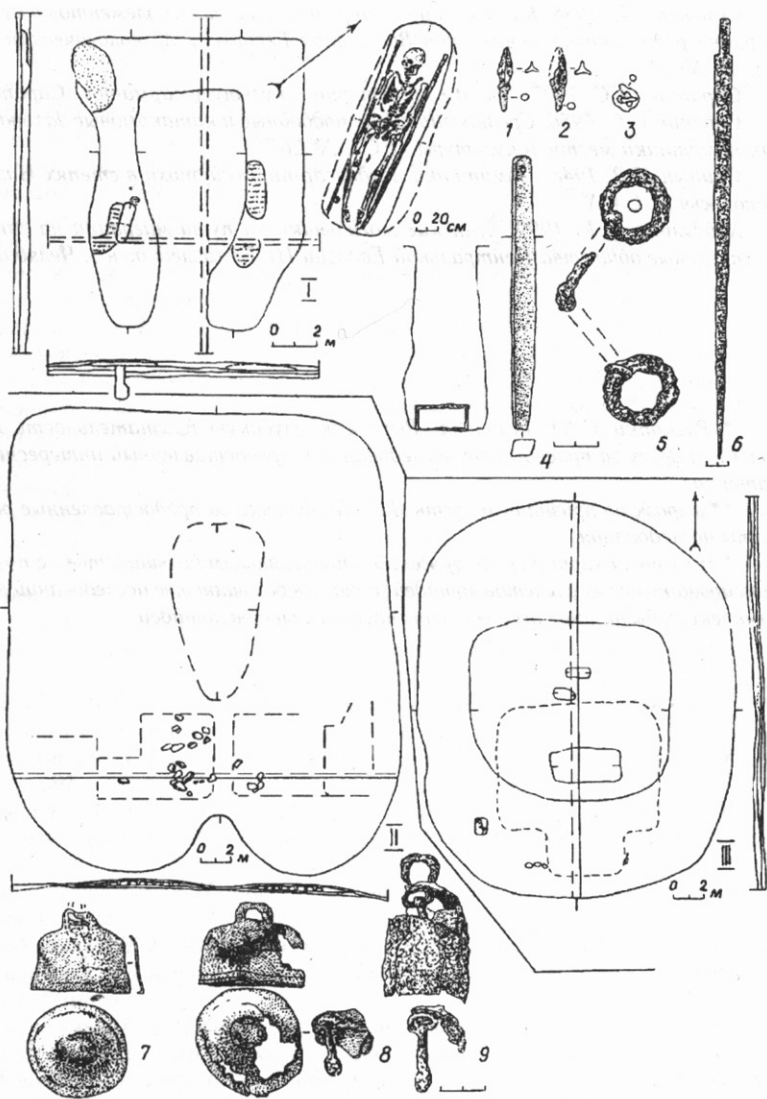

Рис. 1, I - могильник Целинный I, сооружение 13; II - могильник Сарытау, сооружение 12; III - могильник Восточно-Курайлинский I, сооружение 7. 1-3, 5, 6 - железо; 4 - камень; 7, 9 - бронза, железо.

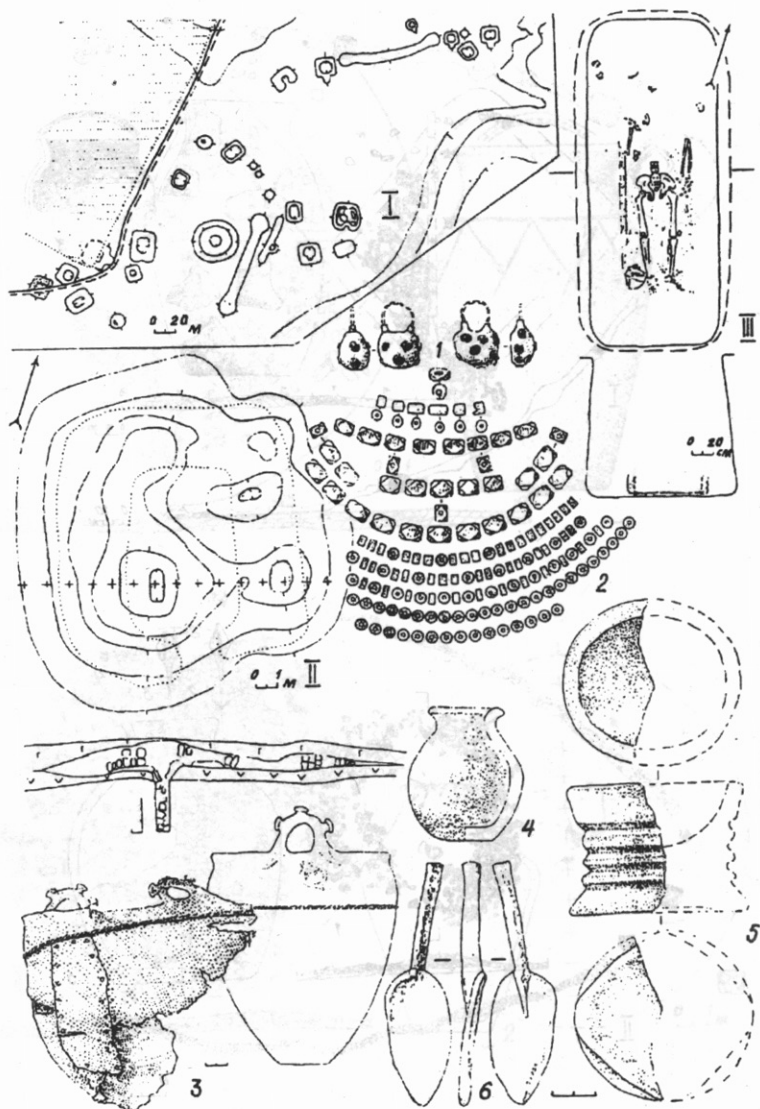

Рис. 2. Могильник Магитный, I - общий план могильника; II - курган 3, план и профиль; III - общий план и разрез могильной ямы. 1 - золото, камень; 3 - бронза; 4,5 - керамика; 6 - дерево.

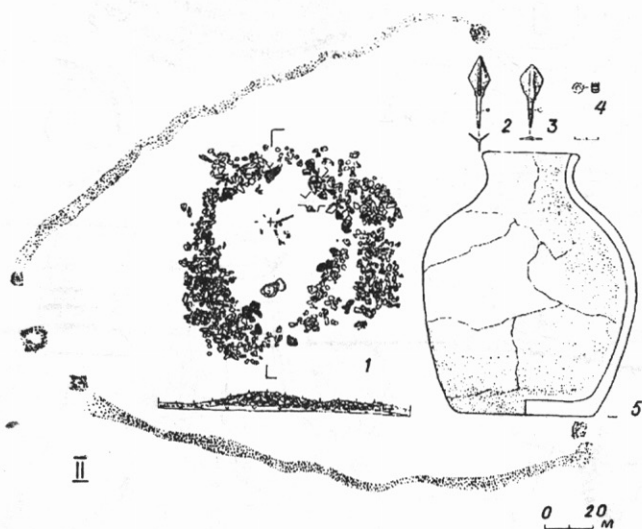
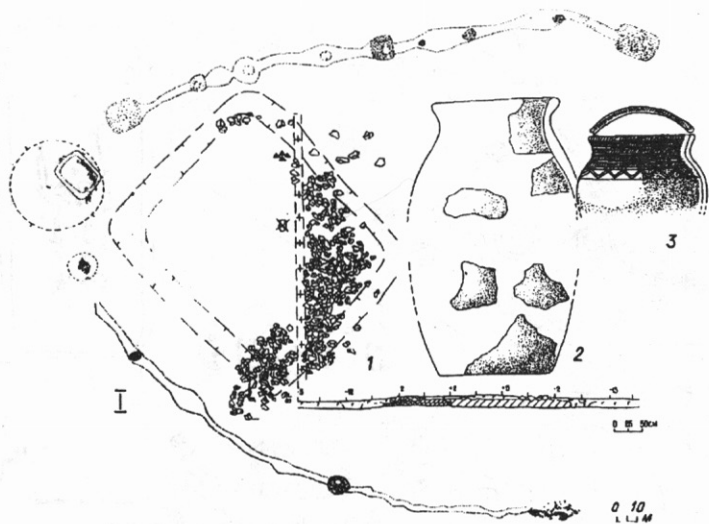

Рис. 3. I - Могильник Кайнсай, курган 14; 1 - план и разрез центрального кургана; 2,3 - керамика

II - могильник Городищенское IX, курган 1; 1 - план и разрез центрального кургана; 2, 3 - железо, 4 - стекло, 5 - керамика.

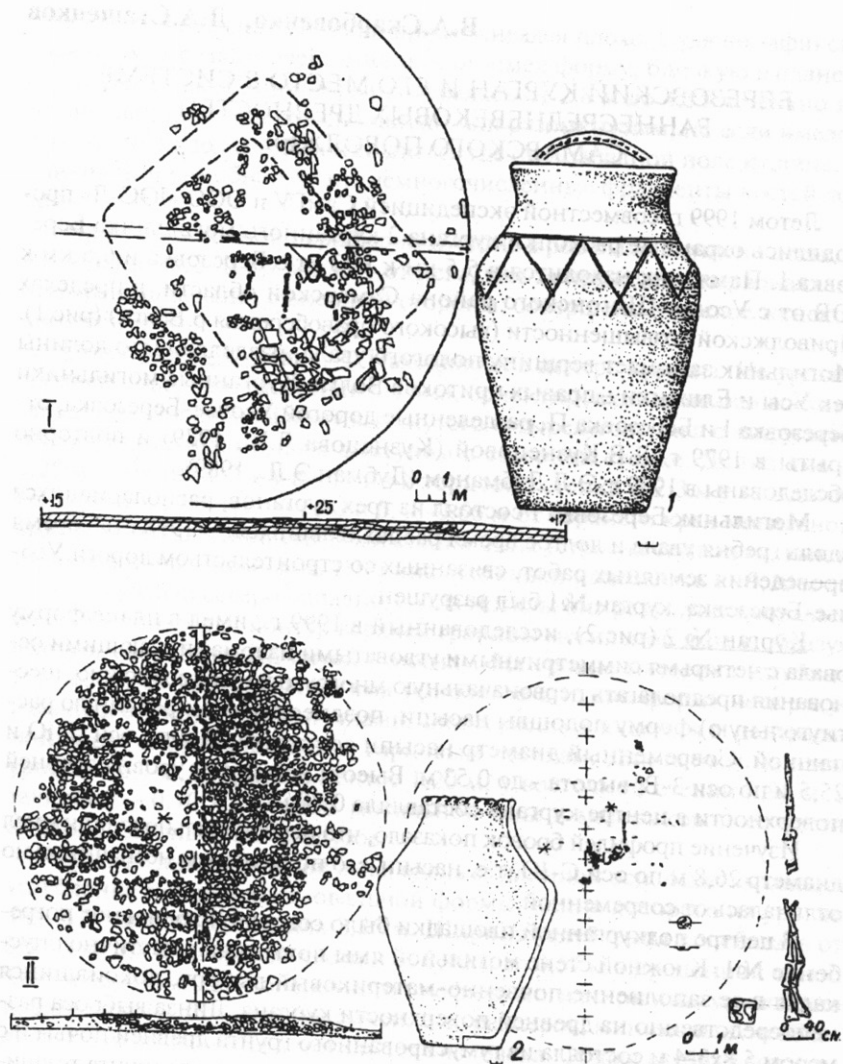

Рис. 4. I - могильник Селенташ, курган 5 (план и разрез); 1 - керамика.
 II - могильник Кызыл-Жар, курган 3 (план и разрез), 2 - керамика.